

МАССЫ И ПАРТИИ В 1917 г.: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ДОМИНАНТА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Изучение революционных событий 1917 г. остается исключительно значимым для понимания прошлого, настоящего и будущего России. Наибольший интерес вызывают вопросы, связанные с различными интерпретациями случившегося тогда судьбоносного выбора между конкретными политическими силами, боровшимися за право определять будущее страны. Ключевым для осмысления исторической логики этого выбора является исследование массового сознания революционной эпохи, в недрах которого и формировался ответ на вопрос об исторических альтернативах. В рамках настоящей статьи делается попытка кратко представить исследовательскую модель, позволяющую за противоречивым политическим процессом февраля–октября увидеть закономерности, определившие сравнительную последовательность и единство общероссийского сдвига: от бессилия оставшейся мифом демократии – к установлению ставшей реальностью диктатуры. В качестве источниковой базы исследования выбраны материалы, отражающие соперничество кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков. Именно «их взаимодействием определялся общий градус революции, существовавшие вокруг них гравитационные поля втягивали многочисленные и промежуточные партии»¹. Социокультурное осмысление партийно-политических альтернатив либерализма, социал-демократии, неонародничества и большевизма позволяет приблизиться к целостному пониманию успеха большевиков и поражения первоначально более крупных и популярных партий.

При анализе взаимовлияния масс и партий в условиях смуты, потрясшей основы Российской империи, необходимо учитывать системообразующие идеологические и психологические параметры империи. Важно осознавать, что империя не есть просто форма государства, отличная от иных форм лишь техническими особенностями устройства. В основе существования империи лежит идея служения императивам, объединяющим народы для достижения олицетворяемых императором высших целей, во имя реализации Добра и противостояния Злу. Государственное образование, претендующее на роль империи, исходит из монополии на подлинную идею (комплекс идей), предлагаемую массам в качестве истины, способной служить антиэнтропийным идеологическим фундаментом общества на данном этапе истории. Условием исторической стабильности империи является наличие укорененных в массовом сознании идеологем как смысловых,

нормативно-ценностных элементов идеологии (предписаний и символов, отсылающих к комплексу базовых принципов, которыми должно руководствоваться государство и общество). Жизнь империи, ее исторические циклы могут быть рассмотрены как поверхностное проявление скрытых процессов, подспудно вызревающих в толще общественного сознания.

Смутные времена наступают, когда действия элит вступают в конфликт с основополагающими ценностями народа. Когда под угрозой оказывается жизнь империи как особого субъекта истории, имеющего собственные запасы прочности, защитные механизмы и способы обеспечения цивилизационной идентичности, на сцену истории вынужденно вступают народные массы, в «нормальное» историческое время относящиеся к политике индифферентно. Движущей ими силой выступает негативизм, являющийся проявлением иммунитета имперского организма. Ведущая роль в этом механизме принадлежит массовому сознанию, которое активизируется в кризисной ситуации как «наиболее реальная форма практического существования» общественного сознания². В нем главным образом и происходит борьба за империю. Нормой существования империи является наличие идеи, способной объединять и вести массы. Смысловым стержнем империи является ее идеократический компонент, а борьба за власть (равно как и борьба за массы) есть битва за идею (так же как борьба империй есть борьба идей), полем которой является массовое сознание. В его структуре принято выделять идеологический (рациональный) и психологический (эмоционально-действенный) уровни. С этой точки зрения, об историческом благополучии и перспективах империи в тот или иной конкретный период можно судить по реальному наличию идей, признаваемых обществом своими, и по психологической готовности эти идеи отстаивать, платить за них высокую (вплоть до самопожертвования) цену.

К весне 1917 г. российское общество оказалось перед фактом: в империи не стало императора. Самодержавие, выполнявшее системообразующую функцию в отечественной истории, капитулировало перед вызовами Новейшего времени. Революция поставила на повестку дня вопрос о возможности сохранения России в имперском формате. Официально-имперская русская идея в ее триединой формуле была девальвирована: крах самодержавия сопровождался кризисом православия и потерей народной «почвы». Восемь месяцев – от февраля к октябрю спрессовали целую эпоху: сразу несколько исторических альтернатив получили уникальный шанс доказать право на наследование за царизмом, при жизни ставшим трупом. В условиях беспрецедентного резонанса глобальных «социотрясений» (войн, модернизаций, революций) все участвующие в этом конкурсе наследников альтернативы можно назвать в той или иной степени утопическими. Это было своеобразное состязание утопий. Но есть и исторический факт:

на организованном самой историей аукционе утопий убедительную победу одержал большевизм, который конкуренты поначалу не принимали всерьез.

В.В. Розанов образно описал положение, сложившееся после краха самодержавия: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три. Даже “Новое время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И, собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая “великого переселения народов”... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего. Остался подлый народ»³. И этому выведенному из равновесия «подлому народу» предстояло сознательно выбирать, кто займет оказавшееся вакантным место имперской власти. Историю вершили массы, нуждавшиеся в организующей силе, способной внятно сформулировать их политически смутные требования и надежды. Массовое сознание, в котором аккумулировались и резонировали взрывоопасные противоречия революционной эпохи, по мнению многих очевидцев и исследователей, оказалось решающим фактором истории революции. Некоторые из них высказывают мысль, что в результате «победы массового сознания» к власти пришла «сама масса, душа которой всегда наполнилась анархическими инстинктами»⁴. «В условиях русской жизни 1917 г., при отсутствии вполне четко сложившейся и организованно построенной социальной базы государственной власти, заменить такую базу могли только “массы”, сознательно сплоченные демагогическими лозунгами: не определенный класс, а именно “массы”»⁵.

Партии, желающей победить, необходимо было твердо обозначить ожидаемую массами позицию по наиболее острому вопросам революции – о земле (ибо «земельный вопрос является той центральной точкой, около которой сосредоточено внимание не только партий, не только отдельных групп, но самое главное – широких народных масс»⁶) и о мире (ибо вопрос о мире – «как лампа Алладина, кто ее взял, тому и служат духи, тому дается и власть в руки»⁷). Чтобы не «повиснуть в воздухе», необходимо было озаботиться внедрением в массовое сознание идеологом, способных обеспечить преемственность исторической традиции. Так, обратясь к «почве», партии могли обрести «почву под ногами». Но ни земли, ни мира, ни доступной массам идеи, могущей консолидировать общество, пришедшие на смену самодержавию силы предложить не сумели. Элиты недооценили массы, и это стало роковой ошибкой новой власти и ее крупнейших партий.

Основополагающий вопрос смутных времен – о легитимности либо «самозванности» претендующих на власть сил – решался именно в массовом сознании, в системе архаических координат «свой–чужой». Ключ к

социокультурным кодам Российской империи следует искать в общине, истоки особенностей проявления массового сознания в России – в общинном сознании⁸. Крестьянский бунт в имперской истории – это не просто «форма самозащиты крестьянской общины»⁹. В значительной мере это форма самозащиты всего имперского тела. В 1917 г основой политико-правовой культуры народа, несмотря на «демократические» декорации, продолжали служить вековые традиции общинности, с ее авторитарным коллективизмом, категорическим неприятием частной собственности на землю, отрицанием позитивного права, не соответствующего правде и не обеспеченного эффективным репрессивно-властным механизмом. Осознав, что «одному – бублик, другому – дырка от бублика. Это и есть демократическая республика» (В.В. Маяковский), массы приступили к активным самоинициативным действиям по реализации своих чаяний традиционными методами. И они показали себя не пассивным объектом политики и права, а могущественной силой, на которую никто не мог вполне опереться. Воздействие масс на жизнь страны проявлялось во всех значимых событиях, сказывалось на позиции и действиях власти, партий и самых разных организаций. К осени движение масс, по оценкам аналитиков МВД Временного правительства, приняло «антигосударственный характер»¹⁰. Введенные свободы, оказавшись в противоречии с народными представлениями о «правильном порядке», не были подкреплены ни обращением к традиционным имперским символам, ни развитой правовой системой, ни единством институтов власти, ни деятельностью силовых структур – и были сметены стихией массового бунта.

В историографии революций насчитывается множество исследований, посвященных борьбе партий за массы, методологической основой которых является миф о наличии прямой взаимосвязи между текстами партийных программ и подлинным успехом конкретных партий в массах. В русле такого подхода тема ментального соответствия властных элит России пресловутым «народным массам» и, соответственно, вопросы органической совместимости российских политиков и россиян, долгое время находились за обочиной актуального интереса отечественных историков. Почему именно большевики сумели в итоге стать партией победителей, а их оппоненты превратились во «врагов народа» и на многие десятилетия сгинули из российской истории? Пожалуй, это самый важный и дискуссионный вопрос для всех историков революции. Занимаясь изучением программ партий вне преломления партийных идеологов в массовом сознании, вряд ли возможно дать на него ответ. Представляется очевидным, что ответа на поставленный вопрос в принципе невозможно найти на страницах программ. Хотя бы потому, что абсолютное большинство населения их не читали (как не читают их и теперь).

Это относится не только к широким массам, но и к интеллигенции. Один из умнейших людей России, Розанов, так описывал причины и степень осознанности личного выбора между различными партиями: «— Подавайте, Василий Васильевич, за октябристов, — кричал Боря, попрыгивая трубочкой. — Твои октябристы, Боря, болваны; но так как у жены твоей уди-ви-тельные плечи, а сестра твоя целомудренна и неприступна, то я подам за октябристов. И подал за них... так как квартиры д-ра Соколова (старшина эсдеков... где-то на Греческом проспекте) не мог найти, а проклятый «бюллетень», конечно, потерял в тот же день, как получил»¹¹. Заметим, что речь идет о выборе, сделанном еще в относительно спокойное дореволюционное время. Понятно, что в революционной многоголосице партийных речей определить с политическими симпатиями путем сравнения партийных документов и прессы неискушенному российскому избирателю было очень непросто. Знаменитый своей мистической пронизательностью поэт М.А. Волошин, искренне пытавшийся осмысленно сделать партийный выбор, в мае 1917 г. жаловался, что не в состоянии сам для себя определить, в какой партии «выражалось бы то, чего можно было бы пожелать России», и признавался: «Читая газеты, я по очереди соглашаюсь с самыми противоположными мнениями»¹².

Такие попытки представляли исключение, а не правило. Даже партийные деятели часто не интересовались партийными программами. Так, А.Ф. Керенский вспоминал: «Было очень утомительно выслушивать нескончаемые обсуждения научных и совершенно нежизнеспособных программ. Я всеми силами этого избегал... В тот момент меня меньше всего интересовали политические программы. Я был слишком захвачен грандиозной таинственной неизвестностью, к которой нас неудержимо влек головокружительный ход событий. И говорил себе, что ни программы, ни дискуссии не ускорят грядущего и не отменят случившегося. Революцию порождает не только мысль, она проистекает из самых глубин человеческих душ и сознания. И действительно, все проекты, программы, теории были отброшены и забыты, прежде чем их успели практически воплотить авторы, которые двинулись дальше диаметрально противоположным путем»¹³. А популярный адвокат Ф.Н. Плевако еще в мирное время, «сознательно» вступая в партию, в ответ на вопрос о знакомстве с ее программой откровенно отвечал: «Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?»¹⁴.

Если программами не интересовались люди блестяще образованные и партийные, то чего же было ожидать от безграмотных и беспартийных крестьян, солдат и рабочих (тем паче от крестьянок, солдаток и работниц), впервые призванных к участию в политике в условиях, когда, по наблюдению кадетского публициста А.С. Изгоева, «каждая партия своих соседей

ругает буржуями»? Социал-демократы называют социалистов-революционеров буржуазной партией, социалисты-революционеры не признают настоящими социалистами ни народных социалистов, ни своих товарищей по партии, которые требуют войны до победы над немцами. Среди социал-демократов тоже междоусобие: большевики ругают меньшевиков буржуями, а меньшевики доказывают, что большевики – мелкобуржуазная партия»¹⁵. Даже спустя несколько месяцев «демократической многопартийности» «в провинциальных уездных городишках совершенно нельзя установить, к какой партии принадлежит тот или иной общественный деятель. Вчера был социал-демократ, сегодня – социалист-революционер, а завтра он будет, наверное, кадетом. Никакой партийной дисциплины и чистоты. Социал-демократы вступают в блок с явными черносотенцами, социалисты-революционеры с какими-то беспартийными субъектами»¹⁶. Политически не подготовленным людям предлагалось выбрать «свою» партию в ситуации, когда, по их недоуменному свидетельству, «все эти партии на разные лады хвалили свои программы и, ратуя за свободу, предлагали рабочим, солдатам и крестьянам свое руководство, а на словах давали обещание устроить всем хорошую жизнь и полное довольство»¹⁷.

По программам партий затруднительно судить не только об отношении к ним избирателей, но и о самих партиях. М. Дюверже так описывает специфику жизни партийной организации: «Организация партий покоится главным образом на практических установках и неписаных правилах, она почти полностью регулируется традицией. Уставы и внутренние регламенты всегда описывают лишь ничтожную часть реальности, если они вообще описывают реальность; ведь на практике им редко следуют неукоснительным образом. А с другой стороны, партии сами охотно окружают свою жизнь тайной, и поэтому нелегко добыть о них точные сведения, даже элементарные. Здесь сталкиваешься с первобытной юридической системой, где законы и ритуалы секретны, а посвященные фанатически укрывают их от мирских взоров. Одним только ветеранам партии хорошо известны все перипетии организации партии и тонкости интриг, которые в них завязываются. Но они редко обладают научным складом ума, что мешает им сохранять необходимую объективность; и они так неохотно говорят»¹⁸. Заметим, что речь идет о партиях сравнительно благополучного Запада, имеющего длительную историю развития многопартийности и устоявшиеся традиции. А «партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснотушия или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов», «российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным

целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом “пустоцвет”, способный, однако, провоцировать смуту», а «если в смутные времена кто-то выигрывает, кто-то чаще бесповоротно – проигрывает, то из этого не следует, что восторжествовали чьи-то программные установки»¹⁹.

Партии «являли собой живые организмы со сложной внутренней жизнью, а вовсе не закрытые, скованные жестким дисциплинарным панцирем организации»²⁰. Поэтому «нужно обращать внимание не только на партийные программы, но и на умонастроение входящих в партии людей. Возможно, существует некая разделительная граница между носителями одного менталитета и другого безотносительно к программным установкам... В какой-то ситуации люди с разными программами могут найти общий язык, а люди с одной программой могут этого общего языка не найти... Особенно большое значение при оценке той или иной партии приобретает свойственный ей модуль поведения»²¹.

Подобные выводы современных исследователей живо перекликаются с мнениями политических деятелей прошлого. Еще И.И. Петрункевич считал, что российские «либералы, радикалы и революционеры различались не политическими целями, а темпераментом»²². А по свидетельству В.А. Маклакова, «политическая сила каждой партии не в числе ее записанных членов, а в доверии, которое она внушает непартийной, т.е. обывательской, массе. Это доверие основывается не на программе, не на резолюциях съездов, которыми интересуется только партийная пресса, а на самостоятельном суждении, которое составляет себе о партии обыватель. Оно часто не совпадает ни с мнением, которое имеет о себе партия, ни с тем, которое она о себе стремится внушить. Суждение обывателя проще»²³.

Следовательно, если мы хотим разгадать секрет популярности и непопулярности тех или иных партий, необходимо анализировать не столько программные установки партий как средство борьбы за массы, сколько «модули поведения» этих партий и их отношение с «модулями поведения» масс. Предметом изучения становится не степень соответствия партийных проектов «объективным» интересам электората, а непосредственное отношение его к самим партиям, мифологизированный имидж которых складывается в массовом сознании вне зависимости от недоступных ему доктринальных хитросплетений. Конкретные результаты борьбы партий определялись в решающей степени тем, насколько совпадали либо вступали в противоречие идейно-ценностные, психологические и поведенческие векторы политических сил с доминантными установками массового сознания, ситуативно производного от архетипических характеристик народа. Поведение партии, желающей вести за собой народ, должно было соответствовать особенностям народной ментальности и учитывать механизмы массового сознания и поведения. Эффективность партийной пропаганды зависела не столько от качества выражения группового сознания, сколько от способности «цеплять» коллективное бессознательное. Успех партии

определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала психологии масс, насколько ее тактика корреспондировалась с их поведенческими стереотипами, насколько лозунги партии были понятны «русскому мужику» и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками, а также со спецификой их преломления в массе.

В условиях «пустоцвета» постфевральской многопартийности на поражение была обречена любая партия, неспособная позиционировать себя адекватно массам. Наибольшие шансы на успех получала партия, максимально использующая ресурсы народной психологии. Приведем характерный пример. «Саратовский вестник» воссоздает аутентичную картину «соревнования с.д. миннезингеров», типичную для любой российской губернии. Описывается спор двух местных деятелей – меньшевика (Майзеля) и большевика (Мгеладзе):

«— Чем вы объясните наш успех в массах? – победоносно вопрошал мгеладзевский фальцет. – Разве мы так талантливы или умны? – О, нет, – гремел меньшевистский бас, – вы не талантливы и не умны... Вам кажется, что вы руководите массой, бросая в нее ваши демагогические лозунги, в действительности – вы идете за нею... О каких же тут талантах или уме может быть речь? И когда гражданка Верхнего базара кричит гражданину в шляпе, предложившему ей вместо 60 к. – 40 за фунт вишни: «Буржуй проклятый! Кишки бы тебе выпустить!», то в действительности не тов. Мгеладзе является ее учителем, а она подсказывает товарищу Мгеладзе, как литературно формулировать лозунг»²⁴.

Но даже неплохое знание психологии толпы и умение пользоваться ситуацией с помощью адресно выверенных лозунгов не могло гарантировать долговременного эффекта гипнотического воздействия агитации на массы, если агитатор не имел постоянной обратной связи с аудиторией и его лозунги не питались непрерывно энергией масс. В прессе 1917 г. можно встретить такие, например, описания воздействия пропаганды в деревне: «Если же вы красноречивы и знаете психологию крестьянина, берущую свою силу из кошмара, фантастического и грубо реального мира, если можете силой своего голоса прекратить не только громкую беседу, но и шепот, если можете забраться в самое сердце этого честного и загадочно-дикого дикаря, то успех обеспечен. Вы превратите всю эту массу отдельных личностей в одно громадное, решительное и преданное вам существо. Это существо – ваш раб и враг смертельный противника вашего. И если явится какой-то смельчак, чтобы высказать кой-что не в вашу пользу, то, в лучшем случае, ему не дадут говорить. Провинция полна подозрительности и недоверия. И если кто-либо из товарищей после такого удачного выступления подумает, что здесь все сделано, что народ разделяет с ним одни и те же мнения, что он раз навсегда доказал правоту того, что излагал слушателям, то такой товарищ непростительно ошибается. То, что случилось сегодня, – случилось каким-то чудесным образом. Завтра многие придут в себя и

скажут, почесывая затылок: “Одурачил”. Собеседник сразу соображает, о чем идет речь, и в тон отвечает: “Здорово, куманек, оболванил”...»²⁵.

Итак, лишь учитывая реалии массового сознания, можно осмыслить парадоксальность несоответствия программ и реальных плодов партийной деятельности.

Можно уверенно констатировать, что Конституционно-демократическая партия, в 1917 г. именующая себя не иначе как «партия народной свободы», не имела шансов на победу в борьбе за массы, так как не имела ничего общего ни с самим народом, ни с его пониманием свободы. Как признавал ее лидер П.Н. Милоков, «никто не будет отрицать, что партии до сих пор не удалось проникнуть по своим идеям в широкие слои населения»²⁶, «без опоры на массы мы не сила, на нас поэтому рассчитывать нельзя...»²⁷. Не желая идти на уступки даже по самым большим вопросам массового сознания – о мире и земле, кадеты непоправимо упустили время первоначального доверия и радужных ожиданий масс. Требуя от народа «жертвы и подвига», они ничего не предложили взамен, кроме «сладкого слова “свобода”». Обнаружив свою несостоятельность в деле претворения в жизнь либеральных рецептов переустройства России, либералы, долго домогавшиеся возможности «осчастливить» многострадальный русский народ, стали упрекать этот народ в том, что он недостаточно хорош для их идей. Они «вдруг» обнаружили, что эффективные для западного общества идеи не эффективны в «темной» отечественной среде. Так, Милоков главным фактором неудачи демократии в России объявил «бессознательность и темноту русской народной массы, которые, собственно, и сделали утопичным применение к нашей действительности даже таких идей, которые являются вполне своевременными, а частью даже осуществленными среди народов, более подготовленных к непосредственному участию в государственной деятельности»²⁸.

Выступления кадетов и предлагаемые ими проекты были неприемлемы для масс ни по содержанию, ни по форме. Даже внешний вид представителей этой партии восстанавливал массы против нее, ибо «у нашего населения самые смутные понятия о буржуе: кто чуть получше одет – тот и буржуй, и доверять ему нельзя»²⁹. В условиях, когда, по свидетельству современников, «толпы обывателей, одинаково далеких от социализма, демократизма, либерализма, объявили себя... социалистами», «быть социалистом... стало просто требованием бонтона, приличия, надо было быть едва ли не парадоксальным смельчаком и циником, чтобы дерзнуть отмежеваться от социализма»³⁰, кадет в массовом сознании стал зримым воплощением врага. Ответом народа ораторам-кадетам на их невнятные, с точки зрения масс, выступления (будто для полноты абсурда, часто еще и начинавшиеся с одиозного «Господа!»), что незамедлительно и предсказуемо провоцировало буйную агрессию толпы) становится: «Мы крестьяне, а вы – буржуй»³¹. В атмосфере «митинговой демократии» кадеты не имели шансов на понимание толпы. «Ты не виляй, как собака, хвостом, говори

прямо! Есть у вас трудящиеся крестьяне, рабочие в вашем списке? Нет у них, братцы, трудовых людей, все у них купцы, помещики али их сынки или прихвостни их, – кричат солдаты-большевики с разных сторон». Так передает в своих воспоминаниях картину типичного митинга бывший солдат. На попытки ораторов заговорить о конституционном пути, что «без закона нельзя», тотчас раздавалось: «Морду тебе разбить за такие речи!.. Морду ему набить надо! Дай ему в зад, и чтобы летел с трибуны головой вниз!»³² Один из кадетских активистов так вспоминал о соперничестве с большевиками на митинге в казармах лейб-гвардии Гренадерского полка: «Увы! Зиновьев “побил” и старого Дейча, и А.И. Шингарева, отважившего выступить со своими кадетскими тезисами в этом осином гнезде. Наши крики, наши аплодисменты и свистки не могли ничего изменить в “соотношении сил”, а солдаты обложили нас нецензурной бранью, из которой мы должны были понять, что буржуазные сынки последний раз уносят ноги целыми с митинга “сознательных” гренадер. Уходя (надо сказать, очень поспешно) с этого ристалища, мы уносили все то же чувство злобы и бесилия и желание от слов перейти к действиям»³³.

Кадеты, однако, не только не сумели перейти от слов к действиям, но и слов, доступных массе, не нашли. Да и не хотели самозванные «борцы за народную свободу» разговаривать с народом на понятном ему языке. «Демократы без демократии», они и не пытались адаптировать свою пропаганду, сделать ее адекватной сознанию адресата. Элементарное непонимание массами смысла кадетских речей, усугубляемое «антибуржуйской» пропагандой остальных партий, способствовало тому, что весеннее, бессознательно-доверчивое отношение народа сменилось жадной расправы, достигшей апогея к осени 1917 г., когда экстремистски настроенные толпы преследовали либералов везде, где встречали. Характерно, что массовые акты насилия по отношению к членам партии кадетов зачастую происходили как раз в ходе «реализации демократических процедур». Бюллетени и записки с их кандидатами «торжествующе рвали в клочья», самим активистам партии обещали «выпустить кишки», а бывало, что и били прямо на избирательных участках избирательными же урнами³⁴.

Не удивительно, что кадеты, эти «слепые поводыри» русской революции, были «назначены» остальными партиями на роль козла отпущения. Члены партии, от которой зависела судьба либеральной альтернативы в России, продемонстрировали, что могут разрушать, но не править. На словах выступая за правовое государство, на деле они показали себя неспособными применить право, оказавшись в глазах народа временщиками, политическими шарлатанами, узурпировавшими место «царя-батюшки», и, наконец, «повинными в смуте оборотнями».

Почительной оказалась и судьба меньшевиков, которые, подобно кадетам, и в вопросе о земле, и в вопросе о мире демонстрировали, как «страшно далеки они от народа». Не имея собственной политической воли,

меньшевики призывали все «демократические силы» к единству, а между собой были согласны, по выражению Г.В. Плеханова, разве только в том, что «меньшевизм лучше большевизма»³⁵. Эта партия принципиально отказалась от использования стихии масс в целях прихода к власти (для которого, по их мнению, не созрели исторические условия) и категорически не желала обрести опору в сознании многомиллионного крестьянства (ибо, как выразился член ее ЦК Н.А. Рожков, «социал-демократия исходит из одного – из соображений интересов пролетариата», а если «крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ним»³⁶).

По признанию Ю.О. Мартова, они не хотели ослаблять «пролетарскую социалистическую революционность крестьянским бунтарством и крестьянскими, якобы социалистическими, иллюзиями»³⁷. Партия, считавшаяся мозгом революционной демократии (в связи с чем трудно удержаться от соблазна вспомнить известные слова В.И. Ленина, что в России интеллигенция является вовсе не мозгом нации), продолжала громогласно объявлять русское крестьянство (более 3/4 населения России!) «аморальным классом»³⁸. Стоит ли недоумевать, отчего эта партия в массовом сознании сблизилась с «образом врага» и лишь немногим позже разделила участь либералов и их место «у позорного столба истории»? Как удовлетворенно констатировали кадетские издания уже в мае, «жизнь поставила социал-демократов, меньшевиков и кадетов, вплотную к друг другу: это две соседние партии по однородности некоторых пунктов программы, а главное – идеологии»³⁹. Осенью же большевики имели все основания подвести итоги «хождения во власть» партии меньшевиков и результаты их «сотрудничества» с либералами: «За 6 месяцев знамена у меньшевиков побелели, а вожак их выветрился»⁴⁰.

Ортодоксальные марксисты меньшевистского толка забыли завет К. Маркса, что в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»⁴¹ (Его, напротив, прекрасно помнил куда менее догматичный вождь большевизма. Ленин, по собственному признанию, совсем не желал уподобляться тем «горе-марксистам», о которых Маркс писал: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»⁴²). Мартов так объяснял свое неприятие большевизма: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с аракчеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются... фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве»⁴³. Что же предлагал разбушевавшейся русской стихии меньшевизм? Подождать, пока «почва» из «азиатской» переродится в отвечающую «европейскому идеалу»? Переехать в Европу?.. Откладывая на абстрактное будущее претворение в жизнь конкретных, востребованных массой преобразований, меньшевики в итоге закономерно остались в прошлом. Тактика, которую избрали российские

социал-демократы, стала политическим самоубийством. Декларируя, что их время не пришло, позиционируя свои идеалы как европейские, к которым Россия не готова, меньшевики сами выбросились на обочину исторического пути российской цивилизации.

Не менее самоубийственным характером отличилась и партия эсеров. Перейдя от погромной агитации «Земли и воли» к попыткам решать вопросы государственного значения конституционным путем, неонародники утратили контроль над стихией, развязанной во многом именно их действиями. Одной рукой указывая на вождеденную землю, эсеры рассчитывали колоссальную силу, высвобождавшуюся из недр крестьянства, другой же пытались придержать растущий радикализм разбуженных масс. Даже меньшевики, будучи союзниками эсеров в их коалиции с буржуазией, подчеркивали: «У социалистов-революционеров два лица, две позиции, две тактики: одна – непреклонная, крикливая – для масс, налево, другая – уклончивая, оппортунистическая, соинвчивая – для буржуазии, направо... Для широких масс – упрощенные лозунги, которые никогда осуществлены не будут, для превращения же этих лозунгов в жизнь совсем иная тактика, неустойчивая и расхлябанная»⁴⁴. А по злорадной оценке кадетов, «разбудить инстинкты толпы было не трудно, повернуть же ее назад, хотя бы это диктовалось насущнейшими требованиями партийной, не говоря уже о государственной, политики, оказалось нашим народникам не по плечу»⁴⁵.

По меткому наблюдению эсера Г.А. Ландау, в проповеди социализма и одновременных попытках удерживать массы от его осуществления была заключена «безысходная, самоубийственная противоречивость»⁴⁶. Взаимоисключающие усилия примирить вышедшую из берегов стихию масс с необходимостью поэтапной конституционной реформы, которые, по ехидному выражению Ленина, напоминали попытки «усесться между двух стульев»⁴⁷, оказались безуспешны: крестьянские массы объективно взяли на вооружение большевистские рецепты немедленного решения наболевших проблем. Поняв, что проиграли даже свою исконную социальную базу, эсеры, по собственному запоздалому признанию, наивно пытались подорвать авторитет большевизма «обещаниями почти того же, что и он обещал, но только – чуть поменьше»⁴⁸. Но, как говорили сами крестьяне, не удержавшись за гриву, за хвост не удержишься. Противоречивость политики ПСР, усугубленная отсутствием единства партии, на фоне повсеместного озлобления масс и разочарования их в легитимных процедурах привела к тому, что большевики, последовательно поощрявшие рост массового насилия на аграрной (и не только) почве, сумели превратить крестьянство из источника сил эсеров в своего временного, но решающего союзника, почерпнув, по откровению Ленина, «свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага»⁴⁹. Перехватив у крестьянофильствующих конкурентов источник их мощи, Ленин обезоружил тех надежнее, чем библейская Далила, остригшая Самсона. И подобно Самсону, эсеры поняли,

что их могущество призрачно, только тогда, когда поражение стало уже очевидно.

Огромную роль в отвоевании масс у эсеров сыграло использование большевиками, наряду с лозунгом немедленного захвата земли, лозунга немедленного прекращения войны. Характерны воспоминания солдата Самарского гарнизона: «Солдаты массами шли в город, чтобы вступить в партию. Вспоминается момент, когда наша группа шла в город, чтобы оформить вступление в РСДРП(б). Глядим, навстречу нам идет такая же группа солдат-однопольчан. Повстречались, они нас спрашивают: “Куда идете?” Отвечаем: “В город, оформляться в партию”. Они усмехнулись и говорят: “Эк, проспали, мы уже вступили!” Спрашиваем: “А в какую же партию вы вступили?” Отвечают: “В свою, крестьянскую, в партию социалистов-революционеров”. Наша группа прыснула смехом и добавила: “Значит вы за лозунг «Земля и воля, и война до могилы, то бишь до победы»”. Наши друзья были ошеломлены: “Как! – вскрикивают они, – разве так? А у большевиков какой лозунг?” – спрашивают. “А у большевиков, – отвечаем, – лозунг такой: «Долой войну!»” Наши однопольчане тут же повернули назад оглобли и вместе с нами пошли обратно в город, где они все до одного выписались из эсеровской партии и вступили в ряды большевиков»⁵⁰.

Так большевики оказались единственной, безальтернативной, политической силой в России 1917 г., способной обратить массовое сознание в инструмент для достижения своих целей. Вместо обесцененной старой идеи большевики предложили приемлемую для масс идею «новую», не просто сменив идеократический комплекс «Православие, Самодержавие, Народность» на аналогичный «Коммунизм, Диктатура, Партийность», но и мобилизовав все основные формы народных утопий и мессианских ожиданий. Они лучше всех умели «работать с массой». Любопытно в этой связи признание, сделанное о своем «авторском методе» словесного гипноза массы, Л.Д. Троцкого. Он объяснял механизм внушения толпе «не просто, а очень просто»: с трибуны надо выбрать самую тупую физиономию и говорить до тех пор, пока не заметишь в ней искру осмысленности⁵¹. Еще более «чувство массы» было присуще Ленину, чье непревзойденное лидерство в искусстве выражения массы признавал даже Троцкий: «Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей степени свойственна, особенно на великих исторических поворотах»⁵².

Оппоненты большевиков решительно ничего не могли противопоставить простым, но эффективным большевистским приемам. До конца оставаясь партией радикальной оппозиции, не скомпрометировавшей себя участием в немогущей демократической коалиции, ленинцы безнаказанно обещали каждой недовольной группе населения то, чего она более всего желала, указывая не только «что делать», но и «кто виноват». Используя массовую веру в возможность мгновенного изменения общества, они без боя овладели психологической монополией на чудо, для значительной час-

ти населения превратившись в единственную надежду. Большевизм взял на себя функции центра, организующего хаос движения масс, аккумулирующего, генерирующего и трансформирующего взрывную силу бунта. Даже кадеты вынуждены были признать психологическую победу большевиков как доминантный фактор политической истории весны–осени 1917 г., подытожив: «Психология – анархическая психология большевизма – была до сих пор наиболее ярким и наиболее действенным фактором этой истории»⁵³.

Психология большевизма не была анархической. Уже некоторым участникам тех событий стало ясно: «Бунт – не антагонист власти, а судорожный порыв от власти, переставшей пугать, к власти, которая внушит дрожь страха заново»⁵⁴. Лишенные комплекса «властебоязни» и обещавшие массам земной рай после установления диктатуры пролетариата, большевики более других подходили на роль восстановителя «твердой власти». И стихия масс, оказавшаяся неподвластной революционной демократии, была покорена диктаторской властью, не сразу, но все же признав «возвращение хозяина». На взгляд А.И. Деникина, не имевшего оснований попусту хвалить большевиков, взявшегося в 1920 г. подвести «некоторые итоги первой части революции», «мы слишком злоупотребляем элементом стихийности, как оправданием многих явлений революции. Ведь та “расплавленная стихия”, которая с легкостью сдунула Керенского, попала в железные тиски Ленина–Бронштейна и вот уже более трех лет не может вырваться из большевистского застенка»⁵⁵. Таким образом, большевики – сначала в массовом сознании, а затем и в политико-институциональном смысле – кристаллизовались в силу, способную остановить государственный распад и прекратить смуту.

Примечания

¹ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 32.

² Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М., 2002. С. 261.

³ Розанов В. Апокалипсис нашего времени. М., 2001. С. 7.

⁴ См.: Германия и русская революция, 1917–1924. М., 2004. С. 87.

⁵ Лукьянов С.С. Революция и власть // В поисках пути. М., 1992. С. 279.

⁶ Канчер Е.С. Аграрный вопрос: политические партии в России. Пг., 1917. С. 28.

⁷ Верховский А.И. Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 67.

⁸ Цит. по: Марченя П.П. Крестьянское правосознание в русской революции // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2006. № 5.

⁹ Лурье С.В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 144.

¹⁰ ГАРФ. Ф.1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 152об.

¹¹ Розанов В.В. Уединенное. М., 1998. С. 422.

¹² Волошин М.А. Из литературного наследия. СПб., 1999. С. 160.

¹³ Керенский А.Ф. Русская революция, 1917. М., 2005. С. 37.

- ¹⁴ См.: Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 253.
- ¹⁵ *Изгоев А.* Социалисты и крестьяне. Пг., 1917. С. 5.
- ¹⁶ Волжский день (Самара). 1917. 26 июля.
- ¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 116. Л. 5.
- ¹⁸ *Дюверже М.* Политические партии. М., 2002. С. 19.
- ¹⁹ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. М., 1997. С. 40, 41, 203.
- ²⁰ *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 33.
- ²¹ См.: *Луноядов В.Н.* Политические партии России в 1917 г. Дис...канд. истор. наук. М., 1993. С. 147–148.
- ²² Цит. по: *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 169.
- ²³ См.: Российские либералы. С. 253.
- ²⁴ Саратовский вестник. 1917. 18 июля.
- ²⁵ Волжский день (Самара). 1917. 26 июля.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.
- ²⁷ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 250.
- ²⁸ См.: Российские либералы. С. 275.
- ²⁹ Волжский день. 1917. 11 мая.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 101, 100.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854. Л. 18.
- ³² Государственный архив Самарской области (ГАСО). ФП. 651. Оп. 5. Д. 48. Л. 44об., 49.
- ³³ См.: *Куторга И.* Ораторы и массы // НГ. Фигуры и лица. 2000.30 марта. № 6.
- ³⁴ Речь. 1917. 28 сент.; ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 74; Д. 167. Л. 45; Ф. 1796. Оп. 6. Д. 164. Л. 76.
- ³⁵ Цит. по: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 539.
- ³⁶ Рабочая газета. 1917. 25 авг.
- ³⁷ Меньшевики в 1917 г. Т.1. М., 1994. С. 246–247.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.
- ³⁹ Волжский день. 1917. 24 мая.
- ⁴⁰ Правда. 1917. 3 окт.
- ⁴¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 607.
- ⁴² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 181.
- ⁴³ Цит. по: Политические деятели России, 1917. М., 1993. С. 207.
- ⁴⁴ Пролетарий Поволжья (Саратов). 1917. 26 окт.
- ⁴⁵ Волжский день. 1917. 6 сент.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 98, 112.
- ⁴⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 137.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 120.
- ⁴⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 34.
- ⁵⁰ ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 244. Л. 3–4.
- ⁵¹ См.: *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 213.
- ⁵² *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. М., 1994. С. 118.
- ⁵³ *Набоков В.* Шесть месяцев революции // Вестник Партии Народной Свободы (Петроград). 1917. № 19.
- ⁵⁴ Цит. по: *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Русские о большевизме. СПб., 1999. С. 16–17.
- ⁵⁵ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. М., 2005. С. 577.